

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

ТАТЬЯНА
ДОРОНИНА

ЕЩЁ
РАЗ
ПРО
ЛЮБОВЬ

Нелли Борисовна Гореславская
Татьяна Дорониная.
Еще раз про любовь
Серия «Жизнь в искусстве»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6398902

Татьяна Дорониная. Ещё раз про любовь: Алгоритм; М.: 2013

ISBN 978-5-4438-0493-4

Аннотация

В прежние времена ее называли русской Мерилин Монро, лучшей театральной актрисой СССР, воплощением красоты и душевного обаяния. Потом восхищаться Дорониной, любить Доронину стало считаться почти неприличным... Почему так получилось? В книге рассказывается о непростой судьбе большой русской актрисы, которую многие называют сегодня «последней из великих», о ее личной жизни, творческой биографии, о пресловутом, скандальном разделении старого МХАТа, о становлении и деятельности МХАТа имени Горького на Тверском бульваре, возглавляемого ныне Татьяной Дорониной.

Содержание

Вместо предисловия	4
Деревенские корни	8
«Революционная теория законности»	15
«Ты всегда должна быть красивой!»	22
В Данилове	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нелли Гореславская Татьяна Дорониная. Ещё раз про любовь

*Театр – это праздник. В театр можно прийти,
но уйти из него невозможно.*

Эдвард Радзинский

Вместо предисловия

В прежние времена ее называли русской Мэрилин Монро, лучшей театральной актрисой СССР, воплощением красоты и душевного обаяния. Дорониной подражали. Прическу под нее делали, одевались, как она. Потом восхищаться Дорониной, любить Доронину стало считаться почти неприличным. Ее звонкое, знаменитое имя вдруг оказалось символом всего ретроградного. Ее стали называть коммунисткой, сталинисткой, диктатором и даже жестоким человеком. А ее театр, МХАТ имени Горького – «женским», в отличие от «мужского», чеховского МХТ. То есть – в сложившейся у нас системе патриархальных ценностей – заведомо ущербным, неполноценным. Потом прошло и это, страсти улеглись вместе с горячкой сумасшедшего перестроечного времени, но МХАТ имени Горького так и остался стоять особняком в

стороне от шумной театральной жизни. Его обходили стороной модные критики, его спектакли не награждали престижными премиями...

Однако время, которое все расставляет на свои места, показало: МХАТ имени Горького нужен зрителю, он востребован, что вынуждена была признать даже критика в рецензиях на его спектакли, пусть и нечастых, зато в серьезных изданиях вроде «Парламентской газеты». На самом деле, все закономерно, просто маятник качнулся в обратную сторону: устав от «чернухи» и «порнухи», зритель пошел в «архаичный» театр и даже его полюбил, если судить по Интернету, в котором немало восторженных откликов на мхатовские спектакли.

Поэтому МХАТ им. Горького по-прежнему каждый вечер зажигает огни, актеры выходят на сцену, огромный зал заполняется публикой, которая по-прежнему рукоплещет любимой актрисе, задаривает ее цветами и хочет знать о ней все.

Да, ее жизнь достойна пьес, книг и романов.

Татьяна Васильевна Доронина – советская и российская актриса театра и кино, театральный режиссёр. Художественный руководитель МХАТ им. М. Горького с 1987 года. Народная артистка СССР.

Деревенские корни

Где же она родилась, маленькая девочка Таня Дорони-на, которую потом станут называть великой русской актрисой, необыкновенной красавицей? Ее родина – наша северная столица, любовь к которой она пронесла через всю свою жизнь, а родителями были простые, очень скромные люди, когда-то приехавшие сюда из ярославской деревни.

Ленинградский переулок, вымощенный крупным булыжником, по которому ей так весело было прыгать в счастливые детские годы, раньше назывался Казачьим, а во время Таниного детства – переулком Ильича, потому что когда-то там, оказывается, какое-то время проживал Ленин. Трехэтажный дом, в котором он жил, находился как раз напротив окон их квартиры. Вернее, квартира была не только их, в ней проживали целых шесть семей, в том числе и Доронины. Квартира была огромной, и маленькой Тане не верилось, когда мама рассказывала, что раньше здесь жила одна семья. Ведь теперь в ней живет так много народа – и Кузьмины, и Бобровские, и тетя Ксения с мужем и хулиганистым Колькой, и другие, – и все помещаются. Живут дружно, хотя иногда и ругаются из-за уборки или из-за счетов на электричество. Танины родители в перепалках стараются не участвовать. Папа ругаться совсем не умеет и всегда останавливает маму, которая иногда пытается отстоять какие-то права. Его добро-

та, теплые мягкие руки, вкусный запах (он работал поваром) остались в памяти дочери на всю жизнь.

Остался в памяти и дядя Яша Бобровский, качавший кроху Таню на своей длинной ноге, и тетя Ксения с удивительно добрыми глазами, все время старавшаяся всем услужить, первая приходившая на помощь, когда кто-то заболел. Она не понимала, как можно вести себя иначе. Эту органическую, естественную доброту не ценили ни ее муж, ни сын. Первый тетю Ксению бил, однажды ударил даже ножом. Второй, когда подрос, начал воровать, попал в тюрьму, да и не раз попал. А она, никогда не упрекая, собирала ему посылочки со своего небогатого заработка и посылала, посылала их своему Кольке. Чтобы он потом ее, заболевшую, с высокой температурой, отправил из своего дома одну умирать на старую квартиру. Тут уж Танина мама с соседкой за ней ухаживали до смерти.

Может, правда, добро должно быть с кулаками? Только вот беда, не у всех они есть, такие кулаки.

Вряд ли они были и у Таниных родителей. Прожившие шестьдесят лет душа в душу, никогда не ссорившиеся между собой, они и с другими не могли вести себя иначе, стараясь помочь соседу, товарищу и даже незнакомому человеку, чем могли. Ее добрый, любимый папа никогда не сказал дома ни одного плохого слова. Хотя, казалось бы, прожив большую нелегкую жизнь, провоевав три войны – империалистическую, Гражданскую и Великую Отечественную –

должен был им научиться. Он попал в Питер еще в начале века, когда в голодный год его, семилетнего, забрал сюда из ярославской деревни дядя и определил во французский ресторан «мальчиком».

Через несколько лет Василий Иванович стал классным поваром, был даже рекомендован для работы в дом какой-то из великих княгинь. А кроме профессии, которую он очень любил, умел еще многое: построить избу, управляться со скотиной, пахать, косить и сеять, водить мотоцикл, потому что служил в мотоциклетных частях, был отличным слесарем. Как-то в детстве, когда отец работал поваром в санатории под Ленинградом, одна из папиных сослуживиц сказала Тане: «Ты никогда не стесняйся, что папа у тебя повар. Такие, как он, – редкость. Ему все благодарности пишут, даже большие начальники и артисты». Ей это и в голову не приходило – ни в детстве, ни потом, во взрослой жизни, когда она сама уже стала народной и заслуженной. Ну, а тогда она словам чужой тети поразилась: ведь папа такой красивый, добрый, самый лучший на свете, – как можно такого стесняться?

Мама была на десять лет моложе отца, милая, простая, добрая и красивая, с русой косой за пояс, с чудной фигурой, на которую заглядываются все, когда они по субботам ходят с мамой и Галей, Таниной сестрой, в баню. Галя, она постарше, уже все примечает и шепчет маленькой Тане: «Смотри, как на маму все смотрят: у нее фигура настоящая».

У мамы не только фигура, у нее и волосы необыкновен-

ные, которые золотистой пышной волной закрывают всю ее до высоких стройных ног, и милое лицо, и чудная улыбка. Не зря ее так любит папа. Он увидел ее первый раз, когда приехал на побывку из армии в свою деревню. Шел пешком от станции, сапоги да тощий солдатский сидор за спиной.

В одной из попутных деревень навстречу шло стадо, русоголовая красавица с длинной косой воевала с непослушными быками. Он, улыбаясь, засмотрелся на нее.

«Вы почему смеетесь?» – сердито спросила она, поправляя белый платочек. Из-под платка выпала непослушная русая коса со жгутиком из льняных стебельков на конце. «Вы чьих же будете?» – спросил, все так же улыбаясь, солдатик. «Сергеевых», – ответила красавица.

А через несколько дней к их дому, с резным крыльцом и белыми резными наличниками на окнах, подъехал запряженный двумя лошадьми с лентами в гривах тарантас – приезжий солдатик, Василий Иванович Доронин из соседнего Булатова, приехал свататься. Приехал все с тем же дядей, Петром Петровичем, который был его главным наставником в городской жизни и считался в семье самым удачливым и представительным, был женат на классной даме из немецкой школы для девочек, что на Невском проспекте, и имел уже троих детей.

Заготовка сена в русской деревне. Фото 20-х годов.

Конечно, таких гостей приняли с почетом, хотя и сомневались, не рано ли отдавать любимую младшую дочку, ведь было ей, Нюре, тогда всего шестнадцать лет. Поди, и не распишут еще. Но Петр Петрович все обещал уладить.

Было и еще одно препятствие – жених-то происходил из

старообрядческой семьи.

– Да крещеный он, крещеный, и братья крещеные, и мать, и сестра – успокоил Петр Петрович. – Главное, согласна ли невеста.

Невеста была согласна, жених, статный, высокий, синеглазый, с ясным добрым лицом, ей понравился сразу, с той первой встречи.

Петр Петрович уладил, Нюре приписали два года, и переехала она в Булатово. Василий Иванович оставил молодую жену у тетки, Марии Павловны – в родном доме была слишком большая семья, – а сам снова уехал в Питер, устраиваться в новой послереволюционной жизни. «Как устроюсь, тут же за тобой приеду», – сказал он молодой жене. Она стала хозяйствовать на новом месте – несмотря на юные годы, скоро и умело. И скотину обихаживала, и масло пахтала, и в поле работала. Тут-то и случилось несчастье. Была она уже «тяжелой», и как на грех молодого необъезженного жеребчика, на котором она боронила свою полосу, напугала птица, шумно вспорхнувшая прямо перед ним. Жеребец понес и потащил за собой Нюру, которая никак не могла освободиться от намотанных на руки поводьев. Так и пахала своим огромным животом землю, пока конь, устав, не остановился. «Не бейте его, он еще молоденький!» – кричала она перепуганным сбежавшимся соседям. Ночью начались схватки, теть Маня приняла двойню, сначала мальчика, потом девочку. В ту же ночь приехал из Питера Вася, который отпросился с

работы, чтобы побыть с молодой женой последний до родов месяц, и ведать не ведал, какое несчастье приключилось без него. Новорожденных успели окрестить, но жизнь им это не продлило, и унес на следующий день Вася два крошечных гробика на деревенский погост. А потом забрал Нюру, когда она оправилась от случившегося, с собой в город.

«Революционная теория законности»

Жили молодые Доронины сначала в бараке на Волховстрое, где Василий работал слесарем на строительстве одной из первых электростанций советской России. Жена его молодая тоже не стала сидеть без дела, без дела они, выходцы из русских деревень, жить не привыкли, и стала Нюра обшивать соседей по бараку. Без машинки, машинки не было, зато были руки золотые.

А потом Вася получил письмо из Питера, его пригласили работать по специальности в одном из открывшихся ресторанов – начинался нэп. В рестораны, само собой, потребовались классные повара, такие, как Василий. Впрочем, классный специалист нужен любой власти. Кончился нэп, появились рестораны и санатории для советских служащих, так что Василий Иванович без работы никогда не оставался. Но эту комнату в Казачьем переулке он нашел тогда же, после Волховстроя, и перевез в нее свою Нюру. Она тут же начала наводить в ней чистоту и уют, создавать теплый очаг семейного счастья, в котором потом родились две их любимые дочери, в котором они счастливо жили в мире и согласии. Жили, радуясь тому, что у них есть, никому не завидуя, ни о каком богатстве не мечтая. Все так, все слава богу.

С одной из первых получек справил заботливый муж своей жене красивое, первое в ее жизни «городское» пальто. «Платочек ваш к такой вещи не идет», – сказал ей продавец в магазине и подал шляпку, тоже первую в ее жизни. Правда, к шляпкам она привыкнуть не смогла, но и к платочку уже не вернулась, стала носить береты, они ей шли. А тогда Василий Иванович повел ее из магазина в фотографию. Такими и остались на фотокарточке – он, высокий, красивый, большеглазый, стоит, держась за спинку стула, на котором сидит она, милая молодая женщина с доверчивым, открытым лицом.

Ленинград. Фото 30-х годов.

Печалило их в то время только одно – после несчастья с первенцами Нюра долго не могла забеременеть, боялись, что останутся без деток. Но Бог не оставил – забеременела и родила девочку-красавицу. Долго думали, как же назвать такое прекрасное дитя, и придумали наконец красивое имя – Лариса. Василий Иванович пошел «записывать» ребенка, да вдруг так разволновался и растерялся, что красивое имя... забыл. «Галина», – наконец выговорил он удивленной и уже

рассерженной на странного папашу даме. Нюра ругаться не стала – Галина так Галина, тоже хорошее имя.

Главное, что дочка родилась здоровая да красивая, потому что могло бы быть и по-другому, ведь и тут тоже, как и в первый раз, в жизнь вмешался несчастливый случай. В своей семье Нюра, как мы уже говорили, была младшенькой и всеми любимой. И она отвечала своим родным такой же любовью, бегала к ним и после замужества, когда Вася уехал устраиваться в Питер, оставив ее жить у тетки. Отец ее в это время лежал больной. Подкосило его несчастье: он продал тех самых быков, с которыми она воевала при первой встрече с Васей, а денег за продажу отцу не заплатили. Мошенники и обманщики не переводились во все времена. А ведь за этих быков Ивана Тимофеевича чуть было не расстреляли. Хозяйство у Сергеевых было крепкое, не разделенное, а потому большое. Ну, значит, богатеи-кулак-мирод, значит, надо ликвидировать. И повели на расстрел. А юная Нюра со старшей сестрой Лизой бежали рядом и все пытались уговорить пьяных конвоиров отпустить отца. Остановили тогда расстрельщиков, потому что не было у Сергеевых батраков, работали они только своей семьей. Происходило это не во время коллективизации, а в самые революционные двадцатые годы, когда по всей стране шла волна красного террора, когда последователи Троцкого и Свердлова раскрестьянивали, рассказывали, расстреливали без суда и следствия – по классовому признаку. Почему-то об этих жертвах, по свиде-

тельству многих историков, гораздо более многочисленных, чем жертвы так называемого сталинского террора, в большинстве своем бывшие вдохновителями и деятелями террора 20-х годов, сейчас молчат, будто их и не было. Как с горьким сарказмом говорил по этому поводу академик А.Л. Нарочницкий, «Вышинский – всего лишь буржуазный ренегат – возродил такие архаичные понятия, как мера вины и мера наказания! Разве революционная теория законности Стучки 20-х годов не объяснила, что человек не волен в своих поступках, ибо есть продукт социальных условий? Надо просто подсчитать, сколько представителей враждебного класса надо уничтожить, чтобы дать дорогу революционному классу!» Вот и Иван Тимофеевич тогда едва не стал жертвой этой самой «революционной теории законности».

Когда он умер, осталась от него фотография, на которой он, церковный староста, с другими такими же степенными и серьезными деревенскими людьми сидит за столом, а сзади, на стене, висит портрет Николая II – фотография была еще дореволюционная. Нюра, переехав в город, взяла эту фотографию с собой и частенько знакомым своим показывала, гордясь, какой у нее был хороший и уважаемый всеми отец. А один из соседей, некий Обриевский, написал на нее донос – «накатку», как это, оказывается, тогда называлось. Тогда – опять же не в приснопамятном 37-м году, а гораздо, гораздо раньше, когда еще власть в стране принадлежала не Сталину, а в значительной степени той самой революционной «ленин-

ской гвардии». Во всяком случае, события с Нюрой происходили в конце 20-х годов. Обвинял же ее Обриевский в том, что она «не советская», происходит из «не советской» семьи и всем показывает портрет «Николашки». Вызвали Нюру к следователю, а она, наивная душа, уже беременная тогда на восьмом месяце, и ему стала доказывать, что отец у нее был очень хороший человек, все его уважали, а иначе и в церковные старосты бы не выбрали. Тот посмотрел на нее, сказал: «Ладно, идите, скоро вызовем».

Вася, придя с работы и увидев ее, заплаканную, бросился к Петру Петровичу за советом. Тот, умница, посоветовал: «Пусть она съездит в Москву к своему троюродному брату, он поможет – он знает, что делать». Василий Иванович посадил Нюру на поезд, и она уехала в Москву. Троюродный брат, и, правда, помог. Свозил ее куда-то, там с ней поговорили, спросили, когда ждет ребенка. «Должна через месяц, а теперь уж и не знаю», – бесхитростно ответила Нюра. «Поезжайте домой и рожайте спокойно», – сказал ей беседовавший с ней, видимо, хороший и умный человек. «А не посадят меня? А то что же с ребеночком-то будет?» – еще спросила она. «Не вас сажать надо», – ответил он ей. Тем все и кончилось. А Обриевским, оказывается, не только революционные мотивы двигали, хотелось ему комнату присоединить, которую Доронины занимали, очень она ему нравилась.

Вот так они, Обриевские, создавали «врагов народа». Хорошо, если разбирался с делом честный и умный следова-

тель. А если такой же Обриевский? И теперь они же кричат о миллионах невинно репрессированных, причем исключительно в 37-м году.

Василий Иванович – отец актрисы, сестра Галина и мама Анна Ивановна.

«Ты всегда должна быть красивой!»

Таня родилась много позднее описанных событий, в голодный тридцать третий год, причем, в отличие от своей старшей сестры-красавицы, она была такой маленькой, худенькой и слабенькой, что врачи вынесли ей беспощадный приговор: «Жить не будет, очень маленький вес». Но родители, ее милые золотые родители, стали дружно выхаживать свою бедную слабенькую кроху. Они клали малютку на теплую грелку, нежно вынянчивая, по ночам с болью прислушиваясь к ее дыханию и плачу. Потом решились окрестить, чтобы, не дай бог, не умерла дочечка некрещеной. И... произошло чудо, о котором всю жизнь любила рассказывать спасенной дочке мама: та вдруг перестала плакать и стонать, и от груди ее стало не оторвать.

К счастью, молока у Нюры было вдоволь, даже на Ксениного Кольку – будущего хулигана и тюремщика – хватало, так что помогла и его выкормить. Словом, когда она через полгода принесла дочку в детскую консультацию, врач только руками развел: «Вам, мамаша, надо премию за вашего ребенка выдать, мы ведь думали, что девочка и не выживет с таким маленьким весом, а вы вон какое чудо сотворили».

Это чудо мама сотворила своей любовью, своей бессон-

ницей, своей жертвенной заботой. А потом она сшила крохотное платьице, все в кружевах и лентах, и понесла фотографировать, дала ей в руки грушу вместо игрушки и сказала с облегчением: «Теперь фотографируйте», будто и сама только в тот момент поверила, что все страхи остались позади и теперь с ее дочуркой все будет хорошо. Дочурка, и в самом деле, выправилась, стала красавицей не хуже старшей сестры. Позже актриса Татьяна Доронина постаралась этот любимый мамин образ запечатлеть в своей знаменитой роли Нюры в фильме «Три тополя на Плющихе». Мама, правда, себя в фильме не узнала, но кинокартина ей понравилась, она с увлечением, как все зрители, следила за сюжетом, переживала за героиню и не искала в ней никаких прототипов.

Ну, а у Тани тогда и в самом деле все было хорошо. Было главное: ощущение любви, домашнего уюта и тепла, которые создавали счастливый мир довоенного детства, в котором было так весело играть, бегать в булочную по поручению мамы, чтобы купить там румяный, теплый, необыкновенно вкусный батон с хрустящей корочкой, гладить деревянные, круглые, совсем не страшные морды львов на тяжелой двери подъезда.

Ведь совсем не богатство нужно ребенку, чтобы чувствовать себя счастливым, а вот такие родители – добрые, любящие друг друга и своих дочек, честно всю жизнь трудящиеся и всегда готовые все друг другу и детям своим отдать, всем пожертвовать для их счастья.

«В том, как они нас воспитывали, не было нарочитости – они не учили, не назидали, – вспоминала Татьяна Доронина много, много позднее. – Они воспитывали собою. Никогда не скандалили. И если я сейчас от ярости иногда могу проносить «не те» слова, то их я узнала не в семье. Я их узнала благодаря своей «высокоинтеллектуальной» профессии...

Я не могу себе позволить уходить из дома, оставляя его неприбранным, – это от мамы. Она себе не позволяла такого и приучила нас с сестрой к этому. То, что нельзя никогда даже рассчитывать на что-то другое, кроме честно заработанного, – это от них».

Но были у маленькой Тани не только золотые родители, были еще и хорошие любимые родственники. А самой любимой была тетя Катя, дочь все того же Петра Петровича, дяди Василия Ивановича, ставшего для него вторым отцом, – «светлая, сияющая черными глазами, белыми зубами, светлым душистым платьем, родинками на щеках, маленькими красивыми руками» – так вспоминает о ней сама Татьяна Васильевна. Тетя Катя «вела дом» своей большой семьи, в которой, помимо родителей и мужа, был еще ее брат и сестра с мужем. Она готовила, убирала всю большую квартиру на проспекте Щорса, мыла посуду, делала все остальные бесчисленные и бесконечные дела по дому, но никогда маленькая Татка, как звала ее тетя Катя, не видела свою тетю непричесанной, одетой в халат и шлепанцы, неулыбающейся или неприветливой. Ее красивые руки всегда были ухожены, тем-

ные волосы красиво уложены в тяжелый узел, красивый голос всегда звучал негромко и мягко. Она была воплощением женственности и обаяния. А как она танцевала! Эти танцы Танюша тоже запомнила на всю жизнь: чарующий голос Вертинского, «Утомленного солнцем», сияющая жемчугом Катина улыбка, ее сияющие глаза, красивая рука на плече партнера и легкие, плавные движения в такт музыке... От нее было невозможно оторвать глаза. Как потом Татьяна Доронина напишет в своем «Дневнике актрисы», «...сестра отца, потрясающе красивая женщина, тетя Катя, учила меня своим примером. Она была столь красива, столь обаятельна и женственна, обладала таким необыкновенным вкусом и чувством стиля, что я подражала ей, и все. Мне просто повезло с родственниками». Тетя Катя и читать научила Таню, когда той было всего пять лет, научила легко и быстро – талантливо, как все, что она делала. Тетя Катя тогда жила с маленькой Танюшей в Зачеренье, там, где Василий Иванович работал в санатории, а мама оставалась с Галей в Ленинграде, Гале надо было ходить в школу. Папа пришел с работы усталый.

Маленькая Таня.

– Хочешь, я тебе почитаю? – спросила его заботливая дочка.

– Ну, почитай, – ответил он с сомнением в голосе, включаясь в игру.

А Танюша взяла книжку «Приключения Буратино», которую ей подарила тетя Катя, и начала читать. У папы от удивления не только усталость прошла, ему даже спать расхотелось, и глаза у него странно увлажнились и покраснели. А на другой день Танюша демонстрировала свои таланты папиным сослуживцам. Уже не «Буратино», тут, в санатории, ей для чтения дали журнал «Мурзилка».

– Она у вас далеко пойдет, Василий Иванович, – пророчили, удивляясь на малышку, папины сотрудники, даже не догадываясь, насколько они правы, насколько далеко пойдет милая светленькая дочурка первоклассного повара Василия Ивановича Доронина.

Хотя потом в школе, надо признаться, Таня отличными оценками не блистала, за исключением литературы. Особенно ненавидела она точные науки, которые ей давались плохо. Зато ее приглашали в старшие классы, а затем и в самодеятельность демонстрировать свой талант чтеца и декламатора.

Любимым у Тани было стихотворение Константина Симонова «Сын артиллериста».

Но то было позднее, уже в войну. А пока она еще маленькая, пока еще мир, они с тетей Катей живут у папы в боль-

шом санатории под Ленинградом, где есть даже кино, есть большой зал для игр и есть каток, на котором тетя Катя в белом свитере и белой шапочке снова катается быстрее и лучше всех. А Таню учит кататься на финских санках и снова дает ей урок, который та запомнит на всю жизнь: «Ты упала? Ты плачешь? Но разве больно? Ведь ты же упала в снег. А лицо сразу стало некрасивое. Улыбайся! Даже когда больно, улыбайся. Ведь ты же девочка. Ты всегда должна быть красивой!».

А еще тогда к ним в Ленинград приехала бабушка Лиза, мамина мама, чтобы полечить глаза. Папа сходил к знакомому – профессору Неменову, после чего бабушку положили в больницу и сделали ей операцию. Профессор помог, вылечил бабушку, и та снова уехала в свою Ярославскую область, хотя и с повязкой на глазу. А летом Доронины уже всей семьей поехали туда в отпуск, жили в Булатове у тети Маши, которая приютила после свадьбы Васю с Нюрой и которая тоже приезжала однажды к ним в Ленинград погостить. Вася с Нюрой тогда решили показать тете Маше красоты Ленинграда и повели ее в Эрмитаж. А она там первым делом сняла с ног валенки и пошла на экскурсию в одних шерстяных носках. Потом Танина мама рассказывала: «Мы ей говорим: «Тетя Маша, надень валенки, на тебя смотрят все, что ты в одних носках гуляешь». А она отвечает: «Да разве можно такую красоту сапогами топтать? В такие полы только смотреть надо».

Паркет в Эрмитаже в самом деле удивительный, любовно составленный мастерами из разных пород дерева. Тетя Маша, крестьянская душа, чуткая к природной красоте, не могла его не заметить и не оценить, не могла по этой красоте пройти сапогами. Стоит ли этого стыдиться?

Может, напротив – в пору подивиться такой редкостной чуткости и отзывчивости, такому уважению к чужому труду, превратившемуся в искусство?

Последний год перед войной остался в Таниной памяти как самый счастливый. На Новый год мама купила чудесную елку, густую, высокую, стройную, которую украсили блестящими игрушками, папа по вечерам ходил с Таней гулять, вез ее на санках по пушистому мягкому снегу и все повторял: «Какая благодать!»

Но самым главным и чудесным воспоминанием, что осталось в памяти от той последней довоенной зимы, был театр, билеты в который для двух сестричек купила снова волшебница тетя Катя.

В театре Танюша Доронина была первый раз в жизни, и была той зимой целых два раза: сначала в Кировском они смотрели спектакль «Ночь перед Рождеством», потом во Дворце промкооперации – «Иоланту». Мама купила для Тани новое платье, очень красивое: светло-синее, с воротничком из маленьких складочек и двумя шариками на шелковом шнурочке. Первое платье, которое ей не пришлось донашивать за старшей сестрой. Папа, придя с работы и увидев

свою маленькую красавицу, подмигнул ей глазами, ставшими вдруг такими же синими, как новое платье, и сказал: «Ну, в таком наряде куда хочешь пойти не стыдно».

Но дивное новое платье было лишь прелюдией чуда, которое с той поры вошло в ее жизнь навсегда, которое стало смыслом, счастьем и оправданием этой жизни. Чуда, которое нахлынуло, заполнило ее всю до краев и унесло куда-то совсем в другой, иной, необыкновенный мир. Танюша потом даже не могла рассказывать о том, что она видела, какой был спектакль, она только показывала всем – и папе с мамой, и соседям, и родным – как летал Вакула, как плыл месяц, как плясали чертенята. «Ночь перед Рождеством» превратила Таню еще не в артистку, но уже в лицедейку.

Зато «Иоланта» околдовала и зачаровала, она поняла, что самое главное ее желание – видеть и слышать это постоянно и всегда.

Потом была финская война. Папа снова уехал, теперь под Выборг, организовывать большой санаторий. Летом Нюра с девочками должна была приехать к нему. Но у нее почему-то «не лежало сердце» туда ехать, она боялась «коварных финнов», которые были близко от тех мест, и потому приехали они в те чудесные места только 12 июня. А 22-го, стоя с отцом в толпе вокруг репродуктора, Танюша почувствовала, как папина рука, только что бывшая такой горячей, вдруг стала ледяной.

– Беги, скажи маме, что война, только не пугай ее, – про-

изнес он.

Спектакль в Кировском театре стал для маленькой Тани чудом, которое нахлынуло, заполнило ее всю до краев и унесло куда-то совсем в другой, иной, необыкновенный мир.

Она бежала к домику возле красивого озера, где они жили, в окне стояла мама в белом платье, а на подоконнике – большая банка с ромашками.

– Мама, папа велел сказать, что война! – весело, чтобы не испугать маму, закричала Таня.

И все кончилось. Окно стало темным, мама исчезла, банка с ромашками разбилась...

Началась война.

В Данилове

Через несколько дней, поздно ночью Василий Иванович отправлял семью в Ленинград. Он усаживал Нюру с девочками в грузовик, заботливо подтыкая со всех сторон одеяло, чтобы не дуло, чтобы они не простудились. Лицо у него было растерянным, он все снимал кепку, а Нюра все надевала ее ему на голову, повторяя: «Ничего, ничего, ведь ты дня через два приедешь».

Грузовик часто останавливался. Навстречу ему темным нескончаемым потоком шли и шли красноармейцы. Казалось, что от мерного их шага гудит земля. Это был первый военный звук, который запомнился маленькой Тане. На другой день вечером грузовик наконец въехал в Ленинград. На окнах белели бумажные кресты, в булочную стояла длинная очередь, хотя она была закрыта. Тетя Ксения сказала: «За сахаром стоим, я на тебя, Нюра, тоже очередь заняла. Утром возьмем».

С той поры они стояли в очередях все ночи то за сахаром, то за мукой или пшеном. Детей начали эвакуировать из Ленинграда, приходили из ЖАКТа, из Галиной школы, еще откуда-то, составляли списки. Нюра прятала девочек в комнату к Ксене, говорила: «Никуда их не отдам без меня, с ума сойду без них, все буду думать, что да как с ними». А Василий Иванович все не приезжал, все заканчивал дела, потому

что санаторий превратился в госпиталь, и он был там нужен. Наконец приехал, куда-то ходил, хлопотал и добился того, чтобы девочек вместе с мамой эвакуировали в Ярославскую область к родственникам. А сам получил повестку из военкомата и радовался, что до своего ухода на войну успеет их проводить. Нюра, закружась со сборами, так и не успела дошить Василию Ивановичу «котомочку», он взял Галин детский мешочек с вышитым ее рукой утенком, положил в него бритву, помазок, два носовых платка, чистые носки и кусок мешковины на портянки, да еще Нюра положила туда бутерброды с колбасой. С таким припасом он уходил на войну.

На другой день все вместе они стояли в огромной толпе на Московском вокзале и ждали, когда подадут поезд. Василий Иванович волновался, что не успеет их посадить, ему уже пора было идти в военкомат. Но успел, посадил. Поезд тронулся, Василий Иванович остался на перроне с детским мешочком, а они смотрели на него из окна, последний раз глядя, как он шел за поездом легко и ровно. Василий Иванович выжил и вернулся живым, правда, с костылем, и ходить так легко, не хромя, он уже больше не смог.

До Данилова ехали долго, целых пять суток. Поезд часто останавливался и на полустанках, и в чистом поле, пропуская воинские эшелоны. Нюра хватала старенький кофейник и убегала добывать воду и кипяток, прося соседей присмотреть за детками и никуда их не пускать. Но детки так боялись потерять маму, которая могла опоздать и остаться неве-

домо где, что все равно каждый раз, никого не слушая, пробирались к выходу и ждали в тамбуре, пока она не вернется. Наконец доехали. Но в Данилове Нюру с детьми никто не встретил. Расписания поездов не было, и никто не знал, когда же, каким поездом приедут «вакуированные». Ничего, добрались сами. Жить стали у бабушки Лизаветы, которая со времени своей операции так и ходила с повязкой на глазу. Каждый вечер перед сном бабушка становилась перед образами молиться «за воинов» — за сыновей, Ивана и Константина, за внуков, Михаила и Бориса, за зятя Василия, любимого их папу.

И так было в каждом русском доме. Из каждой семьи ушли на фронт воины, защитники Родины, и в каждом доме война оставила свой страшный след убитыми, пропавшими без вести, покалеченными. И в каждом доме молились матери, жены и сестры по вечерам горячо и истово, чтобы выжили воины, вернулись домой — хоть какими, но вернулись. Не всем это было суждено. Далеко не всем.

Посадка в трамвай эвакуируемых из Ленинграда. Сентябрь 1941 г.

Но вернемся к семье Дорониных. От Василия Ивановича пришло первое письмо. Все его читали по очереди и с первых же слов начинали плакать. Бабушка Лизавета прерывала этот плач, ставя перед ленинградцами большой пирог с картошкой и произнося одно лишь слово: «Живой». В самом деле, чего еще можно требовать от жизни в страшную годину, если есть самое главное: живой муж и отец! Это счастье, выше которого нет ничего. Мудрая бабушка Лизавета была

права.

Мама устроилась на работу в комбинат шить солдатские шинели, Галя стала ходить в школу, а Тане делать было нечего. От скуки она тоже однажды зашла в школу, учительница ее не прогнала, напротив, сказала приветливо: «Вот и ленинградка к нам пришла», и Таня осталась сидеть с другими учениками и слушать учительницу. На переменах пели песни, которые Таня быстро выучила и стала петь вместе со всеми. Жизнь вроде бы как-то налаживалась, но мирно и безмятежно идти она не могла, несчастья, большие и маленькие, были ее неизбежной частью. Большими бабушкиными валенками Таня натерла ногу, нога стала болеть. Мама повезла Танюшу в поликлинику, там ее осмотрели, ногу забинтовали, чем-то намазав, но лучше не стало. «Занесли инфекцию», – сказал фельдшер. Таня долго лежала в постели, думая обо все на свете, вспоминая милого папу, от которого опять не было писем, прекрасный город Ленинград, театр, Иоланту... Тетя Катя писала, что все мужчины ушли на фронт. А она устроилась работать на завод, на котором раньше работал Мишенька, ее муж, теперь воевавший на Ленинградском фронте. Писала о голоде, холоде, обстрелах и бомбежках, представить которые не только Тане, но и взрослым было трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.